

Разбитое сердце: дети и смерть ЖИВОТНЫХ

*Наша задача не в том, чтобы
закалить детей перед лицом
жестокости и бессердечия мира.
Наша задача — воспитать детей,
которые сделают мир менее
жестоким и бессердечным.*

Л. Р. КНОСТ

Объяснить ребенку смерть домашнего питомца так же сложно, как смерть человека, да и смерть вообще. Особенно если учесть привязанность детей к животным. Собаки или кошки ближе детям, чем взрослые. Когда мы жили в Палм-Спрингс, нашего любимого вельш-корги сбила машина. Он погиб на месте. Я тогда был ребенком и оторопело смотрел на безжизненное тело. Только что мы с ним бежали по пустыне, а теперь он лежит и не шевелится. Секундой ранее он был моим лучшим другом, а теперь не отвечает на мой зов.

Ничто не предвещало, что весь мой мир перевернется в одно мгновение. Не помню, какие умные слова вылетали из уст взрослых, да это и не важно. Мой пес умер. Они не могли вернуть его назад. Внезапно я понял, что мои родители — бессильны. Ничто не могло меня утешить.

Даже родители-атеисты говорят детям, что их питомец ушел в другой мир, где будет их ждать. Они считают, что делают доброе дело. Но верят ли этому дети? Набожные люди — да, и, наверное, им становится чуть легче. Я — неверующий, и с моей стороны было бы лицемерием рассуждать с детьми на тему загробной жизни их любимых питомцев. Спустя много лет они поймут, что я убеждал их в чем-то, во что сам не верю, и будут очень недовольны: «Ты сказал, что мы с Бенджи встретимся, а это неправда. Зачем ты нас обманул?»

Здесь мы подходим к сути проблемы смерти. Это абсолют, пустота, и любая попытка осознать ее обречена. Смерть непостижима для нашего ума. Никто не сможет понять абсолютное ничто. Прямо Леви, великий, а в моих глазах величайший итальянский автор, писавший о холокосте, собрал в последней книге «The Search for Roots» («В поисках корней») антологию своих любимых текстов. Один из них, «The Search for Black Holes» («В поисках черных дыр»), принадлежит астрофизику из Принстона Кипу Торну*. Леви снабдил текст предисловием: «Мы не только не центр вселенной. Вселенная вообще не создана для людей. Она враждебна, жестока, чужда. Человек несоизмеримо мал, слаб

* Scientific American, 1974. December.

и одинок». Но почему, спросите вы, Примо Леви посчитал этот текст базовым для манифестации своего мировоззрения? Кажется, я знаю ответ.

Примо Леви вместе с другими евреями попал в Освенцим. Однажды, умирая от жажды, он увидел свисавшую за окном барака сосульку и потянулся за ней. Дежуривший снаружи эсэсовец прикладом автомата отбил ему руку. Порой мне кажется, что все люди в мире делятся только на две категории: с оружием и без. Леви был потрясен. Он немного говорил по-немецки и наивно спросил: «*Warum?*» («Почему?»). Ответ офицера стал одной из самых известных цитат холокоста: «*Hier ist kein warum*» («Здесь нет никаких „почему“»). Леви никогда не забывал эти жестокие, но точные слова и позднее применил их ко всему холокосту. Почему? Как такое могло произойти? Или почему небеса не темнели? («*Why Did the Heavens Not Darken*» — именно так назвал книгу о холокосте Арно Майер.) Леви много писал, но еще больше размышлял. Результатом стал вывод, что ответа нет или же ответ, как черная дыра во Вселенной, за пределами нашего понимания.

И еще одна мысль — для детей бесполезная, а для взрослых порой очень удобная: в космическом масштабе человек настолько крошечное и незначительное существо, что даже такой кошмар по людским меркам, как холокост, даже убийство шести миллионов евреев и миллионов неевреев постигнет забвение. Миллиарды лет спустя — менее чем через секунду с точки зрения Вселенной — об этих ужасах никто не вспомнит.

Ребенка, горющего по своему четвероногому другу, это не утешит, да и было бы жестоко сказать такое. На траурной церемонии вы тоже вряд ли будете желанным гостем с такими идеями, особенно если захотите ими поделиться. Кстати... Траурная церемония. Возможно, это подсказка, как помочь ребенку пережить смерть любимца: почтить его память. Церемония, на которую собираются люди, знавшие питомца, поможет детям понять, что они не одиноки в своем горе. Что это здоровое и благородное чувство, которое можно разделить с другими. Что не надо стыдиться слез. Кладбища домашних животных выглядят все более изощренно — посмотрите, сколько способов напомнить о том, что скрыто под покровом реальности. Я расскажу об этом в главе, посвященной увековечиванию памяти наших друзей-животных.

Важно показать ребенку, что смерть животного — такое же серьезное событие, как и смерть человека. И речь не только о собаках и кошках. Смерть птицы, ручной мыши или крысы, хомяка, песчанки или морской свинки, даже иглобрюха способна оказать сильное влияние на ребенка и иногда травмировать его. Это не повод для насмешек и обесценивания («подумаешь, всего лишь рыбка»). Мы должны придать событию такую торжественность, с какой его воспринимает ребенок. Попробуйте прочитать ему что-нибудь подходящее. Мне сразу вспоминаются стихотворения «Рыба» Элизабет Бишоп (с замечательными последними строками: «Пока все / не стало радугой, радугой, радугой! / И я отпустила свою рыбу»); «Wessex» («Уэссекс») Томаса

Харди*, красивые строки из «My Dog Tulip» («Моя собака Тюльпан»)** Дж. Р. Экерли, стихи Байрона, написанные на смерть его ньюфаундлена Ботсвана***, «Флаш: биографический очерк»**** Вирджинии Вулф и многие другие.

Между детьми и инопланетными созданиями, которые их *понимают*, возникает особая связь. К сожалению, взрослые часто упускают это из виду. В детстве у меня были «экзотические» животные, совершенно не предназначенные для содержания дома (тогда мы еще не знали, что нельзя этого делать). Черепаху мне купили в хозяйственном магазине «все за четверть доллара», и, естественно, я понятия не имел, как ухаживать за таким животным; вскоре от недостатка кальция ее панцирь размяк, и она умерла у меня на руках. Я сильно расстроился и плакал, но к нам в гости пришли родственники с маминой стороны, и им это показалось забавным настолько, что они подтрунивали надо мной. Мне было примерно десять

* Леди Синтия Асквит описала Уэссекса как «самую деспотичную собаку, доставлявшую гостям массу неприятностей». Побывав в доме Харди в Дорсете вместе с Джеймсом Барри, Асквит сказала: «Особенно вольно Уэссекс вел себя во время обеда, большую часть которого проводил не под столом, а на нем, беспрепятственно разгуливая и пытаясь перехватить каждый кусок пищи на пути от тарелки ко рту».

** «Была ли она счастлива? Полагаю, да. В конце концов, у собаки было все самое необходимое, и она подарила свою любовь людям, чьим унылым серым будням иначе можно было бы лишь посочувствовать».

*** «Над этой урной, скромной и простой, / Она останки друга сторожит. / Один был друг — / и тот в земле лежит». Пер. И. Ивановского. *Прим. ред.*

**** Вулф В. Флаш: биографический очерк. М.: Художественная литература, 1989. *Прим. ред.*

лет, но я навсегда запомнил чувство недоумения от того, что взрослые относятся к смерти чьего-то любимого существа, пусть даже малозначимого в их глазах, с насмешкой. Я знал, что это неправильно. Мне открылось нечто отвратительное в моих родственниках. Ситуация повторилась, когда я увидел, что «моя» (беру в кавычки, чтобы обозначить, что сегодня мы больше не думаем в категориях собственности) золотая рыбка плавает вверх брюшком в маленькой миске. Теперь я знаю, что золотую рыбку нельзя оставлять одну и что в маленькой емкости ей тесно; но тогда я этого не знал. Мои рыдания стали поводом для всеобщего веселья. Многие взрослые именно так реагируют на страдания ребенка или страдания животного, и это ранит навсегда. Я надеюсь, что подобная бесчувственность, пусть даже из благих побуждений, в наши дни встречается все реже и реже и ни одному родителю не придет в голову наказать ребенка за то, что он горюет по животному, каким бы оно ни было.

Я наткнулся на историю дочери писательницы Джанет Готкин*, в которой невероятно точно описываются отношения детей и животных.

«Спринклс появился у нас дома зимой 1999 года. Белый пушистый комочек возрастом шесть недель умещался на моей ладони. В тот момент я была беременна, но поскольку дала обещание старшей дочери Миме, то искала котенка

* Джанет написала лучшую из антипсихиатрических книг, которую я когда-либо читал: «Too Much Anger, Too Many Tears» («Слишком много гнева, слишком много слез»).

именно сейчас. Мы забрали Спринклса из приюта в Санта-Фе; его матерью была уличная кошка. Все годы Спринклс скреплял своим присутствием нашу маленькую семью — и когда родился мой сын Салим, и когда я развелась с Ахмедом, отцом Мимы и Салима, и когда в 2010 году мы с детьми переехали в Денвер, и когда я познакомилась со своим нынешним мужем Джеми.

К старости у Спринклса стал прогрессировать артрит, и нам пришлось перепробовать множество обезболивающих лекарств, чтобы облегчить его страдания. Во время визита в ветклинику в январе — Спринклсу тогда исполнилось восемнадцать лет — ветеринар отметил его хорошее здоровье и блестящую длинную шерстку.

К апрелю боль стала невыносимой. Спринклс с трудом ходил по лестнице и, спускаясь вниз по-есть, часто останавливался посередине передохнуть. Подняться наверх, к своему лотку, он уже не мог. В начале мая я носила его вверх-вниз на руках и убирала за ним, если он не выдерживал и справлял дела прямо на полу в гостиной.

После душераздирающего визита к ветеринару, где Спринклс выл от боли, мы приняли решение усыпить его. Мима, в то время студентка колледжа в Вашингтоне, взяла билет на самолет домой, Ахмед приехал из Санта-Фе (в конце концов, он тоже один из „родителей“ Спринклса). Мы решили, что Спринклс должен уйти из жизни дома, и договорились с ветеринаром.

В тот день Джеми с Салимом съездили в Номе Дерот и купили все необходимое для погребения, в том числе цветы, которые мы решили посадить на могилке. Мы ждали ветеринара к пяти часам. Все собрались в гостиной, положили Спринклса на одеяло, но не изменяющий своим принципам Спринклс повел нас на кухню, чтобы поесть в последний раз. Преддиабетик, последние несколько недель он получал удовольствие только от еды. Ветеринар дал Спринклсу лекарство, мы сели рядом и гладили его, пока он не заснул. Вспоминали его выходки и безграничную преданность нам, его любимой семье.

Пока мы прощались со Спринклсом, остальные наши кошки сидели насторожившись за пределами человеческого круга. Когда Спринклс умер, Ахмед и Джеми завернули его в ткань и отнесли в могилку. Мы все вместе прибрались и посадили цветы.

В этот горестный момент я думала, что я счастливый человек. Мои взрослые дети, мой бывший и нынешний мужья и мои кошки — все собрались почтить память такого необыкновенного члена нашей разношерстной семейки. Спринклс появился у нас, когда наша семья расширилась, и наблюдал, как она менялась и развивалась в течение многих лет. И хотя смерть — неотъемлемая часть жизни, она все равно остается печальным и болезненным событием. Уход нашего любимого Спринклса напомнил, как важна любовь и взаимная поддержка.

Я вспоминаю его с грустью, но еще с благодарностью и всегда с любовью».

Может быть, вы, как и Ширли Маклейн*, полагаете, что смерть — временное явление и в будущем вас ждет встреча с любимыми питомцами. «Я не представляю, как это — не получить то, чего я хочу», — замечательно сформулировала она свои убеждения. Все, чего она хотела, — это снова увидеть свою собаку. Ширли убеждена, что в предыдущей жизни они были вместе в Древнем Египте. Если вы верующий человек, попробуйте убедить в этом ребенка. Если нет, то не стоит притворяться ради его блага. Это не сулит ничего хорошо, и выше я уже объяснил почему. Главное — помните, что перед вами горюющий ребенок, и не важно, что вы думаете о животном (от собаки до золотой рыбки), — проявите уважение к искренним эмоциям. И если хоть один читатель после этих строк протянет: *«Да-а-а, я не подумал, хорошая идея»*, то я написал книгу не зря.

Может ли смерть животного стать для ребенка травмой? Да, если взрослые относятся к смерти пренебрежительно. В рамках нашей культурной традиции стыдно оплакивать животное, и это настолько глубоко засело в нас, что мы этого даже не осознаем. Я расскажу вам историю (она произошла примерно шестьдесят пять лет тому назад), и вы поймете, что сейчас ситуация стала намного лучше.

* Ширли Маклейн (род. 1934) — американская актриса.
Прим. ред.

Мне стыдно об этом говорить, но безобразный пример отношения к животным касается моей семьи. Мама задумала избавиться от моего кота, Бутси. Случилось это так: маму беспокоило, что мой кот спал вместе со мной и сосал мою майку от пижамы примерно в том месте, где, как он полагал, должен быть кошачий сосок. Матери лезли в голову чудовищные мысли, что кот может меня задушить. Я же о таком даже не задумывался. Она отнесла Бутси на холм за нашим домом недалеко от голливудской обсерватории* и оставила там — примерно в восьми километрах от нашего дома. Я узнал об этом значительно позже от своего отца, и теперь меня мучает мысль, как кот страдал, пытаясь найти путь домой. Эта история повлияла на мои чувства к матери и воспоминания о ней. Бутси вернулся. При встрече мы оба были на седьмом небе от счастья; Бутси как заведенный мурлыкал в моих объятиях и не отходил от меня ни на шаг, побаиваясь моей матери (тогда я не понимал, в чем причина). Примерно через неделю она унесла Бутси еще дальше, и он больше не вернулся. Я не знал, что именно она сделала, но совсем пал духом.

Как мама помогла бы мне пережить это горе, если считала его блажью? По многим причинам лучше потерять кота в результате несчастного случая, чем так. Я, например, много ночей подряд не спал и представлял, как Бутси неожиданно появится и проскользнет в мою постель. А если бы я знал, что мать отвезла его туда, откуда

* Обсерватория Гриффита в Лос-Анджелесе, на южном склоне Голливудского холма. Прим. перев.

невозможно найти дорогу домой, было бы еще хуже: я мучился бы от мыслей, как страдает Бутси, как он растерян, какие опасности его подстерегают. Не говоря уже о том, что я был бы потрясен жестокостью своей матери.

Моя мать всего лишь хотела, чтобы двое ее детей выросли из «детской любви к животным» и прежде всего прекратили свое «уморительное» горевание по «всего лишь животному». Она бездумно следовала общественным установкам. Философ Келли Оливер* подметила, что некоторые люди воспринимают любовь к животным как мягкотелость, незрелость или болезнь. «Зависимость от животных — особенно эмоциональная и психологическая, которая часто встречается у владельцев животных, — считается проявлением невроза. Тех, кто любит животных так же, как друзей и семью, считают в лучшем случае странными, а в худшем — сумасшедшими»**.

Бросая кота на холме, моя мать не задумывалась над своими действиями, но она лишила меня не только моего друга, но и возможности оплакать его смерть: я ждал, что он, как и в прошлый раз, вернется в любую минуту. Я ждал и ждал, пока мое доверие к миру не пошатнулось.

Нет ничего хуже, чем сказать ребенку, что его любимое животное переезжает, например на дачу. Сначала прозвучит вопрос «Почему?», а вслед за ним — «Когда мы поедem к нему?». Когда-нибудь ложь прорвется

* Келли Оливер (род. 1958) — американский философ, специализируется на темах феминизма, политической философии и этики. *Прим. перев.*

** Pet Lovers, Pathologized // The New York Times, 2011. October 30.

наружу. В моем случае мама не хотела ничего слышать о Бутси, возможно чувствуя свою вину (во всяком случае я на это надеюсь). Нельзя бросать ребенка наедине с горем. Он может горевать по-своему, но взрослые должны показать, что остальные члены семьи тоже опечалены и готовы разделить с ним этот опыт. В столь особый момент — момент первого столкновения со смертью — ребенку как никогда нужна поддержка. Если вы считаете, что детям полезно общаться с животными и любить их, то нужно уметь протянуть им руку помощи, когда любимый питомец навсегда уйдет в царство тьмы. По крайней мере, дать понять, что вы рядом с ним и что так будет всегда.